

УДК 811. 512.152'367.7

*Ф. Башбуг, И.Д. Чиркоева***ВЫРАЖАЮЩИЕ КОМИТАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕЛОГИ «БИЛЕ» И «КОЖА» В ЧУЛЫМСКОМ ЯЗЫКЕ**

На материале полевой работы авторы рассматривают особенности ряда комитативных послелогов в чулымском языке в сравнении с другими тюркскими языками. Отмечается, что послелог в тюркских языках представлен в предложении/речи как неизменяемое служебное слово для выражения ряда отношений, существующее в сочетаниях имени и глагола, а также в разных именных сочетаниях. Послелог в языке, выражает различные оттенки и нюансы, и их можно утвердить. Некоторые послелогии в тюркских языках с течением времени эволюционировали. Авторы подчеркивают, что в южных и северных тюркских языках Сибири, в особенности, в чулымском, шорском, алтайском, якутском, послелог в силу недостаточной изученности многих своих функциональных особенностей требует более широкого исследования. Во всех этих языках послелогии, выражающие комитативные отношения, производны, они имеют глагольные, именные или наречные корни. Примеры выбраны из тувальского и мелетского говоров чулымско-тюркского языка, чалканского диалекта алтайского языка, шорского, хакасского, тувинского и якутского языков. Авторы стремились более детально рассмотреть эти комитативные послелогии в сравнительно-сопоставительном аспекте.

Ключевые слова: послелог, комитативные отношения, чулымский язык, языки народов Сибири, тюркские языки.

1. Введение

В настоящее время чулымский язык распространён в Сибири, но числится среди языков, носители которых практически исчезают. Первое систематическое исследование этого языка, принадлежащего людям, проживающим вблизи реки Чулым, было проведено А.П. Дульзоном в 50-е гг. XX в. [7-10]. Ученый вместе со студентами провёл важную работу по его архивации/документированию. В 1970-е гг. А.П. Дульзон писал: «Чулымско-тюркский язык не имеет общей нормативной письменной формы; он бытует в виде ряда диалектов и говоров, причем соседствующие диалекты и говоры чулымского языка мало отличаются друг от друга; вместе с тем на периферии ареала, где скапливаются дифференцирующие признаки, расхождения между ними настолько возрастают, что взаимопонимание между их носителями сильно затрудняется» [7. С. 16]. Мы вынуждены согласиться с наблюдением Дульзона, поскольку оно подтверждается и на материале послелогов **биле** и **кожа**, выражающих отношения совместности в некоторых тюркских языках Сибири. Чем ближе языки и диалекты друг другу, тем больше в них общих типологических признаков, что подтверждается десятками языков Сибири, в том числе и чулымским. Послелогии в малочисленных исчезающих языках Сибири изучены недостаточно. Надо отметить, что послелогии в тюркских языках южно-сибирского ареала фонетически отличаются от послелогов в северных тюркских языках. Так, например, комитативные послелогии в якутском языке имеют некоторые различия с эквивалентами южного ареала. Нельзя не принимать во внимание, что в якутском языке послелог сначала был представлен как послеложная частица, «представляющая собою переходную ступень превращения слова в аффикс. Лексически она уже утратила свою самостоятельность и превратилась в некоторый придаток к полнозначному слову. Морфологически она еще не превратилась в аффикс и представляет собою отдельное слово, фонетически не ассимилированное с основой полнозначного слова» [19. С. 276]. Н.Е. Петров утверждает, что «в якутском языке, как и в других тюркских языках, послелогии представляют собою неизменяемые слова, употребляемые для выражения в предложении пространственных, временных, причинных, целевых, уподобительных и других отношений между именами и глагольными формами, а также между разными именами» [4. С. 414].

В данной статье предпринята попытка сравнительно-сопоставительного изучения комитативности послелогов **биле** и **кожа** в таких сибирско-тюркских языках, как чулымский [3; 2], хакасский [6], алтайский [17; 18], шорский [15; 21], тувинский [12], якутский [4].

Н.П. Дыренкова определила послелогии как элементы, упорядочивающие падежи существительного. В этом их схожесть с предлогами в русском языке. Она также отмечает, что послелогии не имеют своего значения, стоят в предложении после существительного, формируют различные синтаксические связи [11. С. 232]. В агглютинативных языках послелогии принято считать так назы-

ваемые вспомогательные морфемы, которые не могут иметь самостоятельного употребления, но обеспечивают словоизменение (склонение) и являются ограниченными с точки зрения их смысловой функции.

2. Послелогои, указывающие на комитативные отношения

В тюркских языках есть ряд послелогов, образующих комитативные связи. Считается, что корень большинства из них происходит от слова “bir”.

Послелогои *бирле, биле* (вместе, с)

Большинство учёных следуют общему мнению по поводу того, что послелог *бирле, биле*, имеющий достаточно широкое распространение в тюркских языках, происходит от числительного “bir” ‘один’. Он имеет такие фонетические варианты, как “birle”, “birlen”, “belen”, “ilen”, “menen”, “man”, “nan”, “bile”, “bila”, “pilen”, “pülen”, “pa”, “ba”. Г.И. Донидзе утверждает, что этот послелог произошёл от числительного “bir” и комитативного аффикса “le” [9. С. 32], однако не делает никакого комментария по поводу того, происходит ли “-le” от “ile”. Такие учёные, как К. Брокельман [24. С. 183], Н. Хаджиэминоглу [25. С. 18], Т. Бангуоглу [23. С. 85] считают, что этот послелог образовался от “bir” и послелого “ile”. А. фон Габен, объясняя “birle” структурой “bir+i-l-“ (объединяться, становиться одним целым), отмечает, что в случае использования этого слова без относительного имени, оно может быть наречием со значением «вместе» [19. С. 93]. Н. Хаджиэминоглу не находит пояснения А. фон Габен удовлетворительными. По его мнению, А. фон Габен признаёт “birle” деепричастием, объясняет это формой “bir-i-l-e”, однако по поводу слова «bilen», которое должно иметь отношение к “bile”, даёт объяснение в виде “bir-le-n” [27. С. 18]. А.Н. Кононов также разделил это слово: “bir-le-n” – и определил “le” в качестве аффикса, образующего глагол от существительного, а “n” рассматривал в качестве окончания деепричастия. По мнению А.Н. Кононова, слово “birlen” могло раньше иметь значения “совместно, заодно” [13. С. 314].

Древнетюркский послелог “birle” используется в некоторых современных тюркских языках в качестве и послелогоа; а в некоторых языках Сибири он стал окончанием творительного (совместного) падежа. Послелог “birle” в процессе исторической эволюции в некоторых диалектах превратился в устойчивую форму, а в других диалектах поменял форму и принял настоящее употребление [26. С. 74]. В языках огузской группы, (кроме туркменского), и в халачском языке это слово используется не как послелог, а как наречие [22. С. 168]. В некоторых тюркских языках этот послелог выполняет функции времени, причины, образа, положения, определения [26. С. 75].

В чулымском языке данный послелог передает значение и средства, и совместности. В обоих случаях при использовании с существительными он примыкает к именительному падежу, а при использовании с местоимением воспринимает окончание родительного падежа:

1) *киши äштибле кулақла, кориблә қарақла. ‘человек слышит ушами, видит глазами’.* [8. С. 195].

kīši äšti-ble kulak=la köri-blä karak=la

человек слышать - PRS уша=COM видеть – PRS глаза=COM;

2) *кичегеч углан паган ага: зыңла агач аразында. ‘мальчик с отцом шел лесом’.* [8. С. 195].

kīčegeç uglan pağan aga:zi=ηla ayaç arazında

маленький мальчик идти- отец=COM в лес;

3) *па:лыгып ичизи пычак-бла актиге кәрәк. ‘надо чистить рыбу ножом’.*

pa:liγ-ın içi-zi piçak-bla akti-ye käräk рыба-GEN

внутри-Poss.3g нож=INS чистить-INF надо;

4) *кәмәбила парсқабс. ‘на лодке поехали’*

kämtä=bila par-skab-s лодка=INS поехать-PST.

Этот послелог до сих пор выполняет функцию послелогоа в мелетском говоре чулымского, в сагайском диалекте хакасского языков и в тувинском языке. Однако в других диалектах и в большинстве языков, например, в тутальском говоре чулымского, хакасском, шорском, он склонен к аффиксации. По словам Н.Н. Межековой, «творительный падеж в **шорском** диалекте оформляется послелогоами-аффиксами, характерными только для данного диалекта, ‘-бла, -бле’, ‘-пла, -пле’, ‘-мла, -мле’, ‘-

маң, -мең' '-наң -нең'. В хакасском литературном языке творительный падеж оформляется двухвариантным аффиксом '-наң, -нең'. В шорском языке этим аффиксам соответствует сокращенные формы на '-ба, -бе', '-па, -пе, '- ма, -ме'. охпла 'пулею', харбла 'снегом'» [12. С. 58]. Этот послелог склоняется к аффиксации и в шорском. У него есть такие фонетические варианты, как -ра, ре, ба, бе, та, те. Он образует связи совместности и инструментальности. С именами и местоимениями во множественном числе он воспринимает окончание именительного падежа, с местоимениями в единственном числе – окончание родительного падежа. Отвечает на вопросы «кем?», «чем?», «с помощью чего?», «при помощи чего?»:

– *күрчекпе кар куредим 'лопатою снег разгребал я'* [11. С. 65];

– *атпа келдим. 'на лошади приехал я'* [11. С. 65].

В шорском, в отличие от чулымского, форма па/пыла встречается еще в значении «по, как»:

– *Ол айтқаны была, по чылда форум чоқ полар. 'По его словам, в этом году ореха не будет'* [21. С. 313].

В **алтайском** языке послелог *была, биле* 'с, вместе' встречается, в основном, в произведениях устного народного творчества. В настоящее время указанный послелог грамматикализован [17. С. 63]. Такая грамматикализация встречается также в **чалканском** диалекте. По мнению А.Р. Тазрановой, «послелог *вле / вла*, распространенный в текстах, записанных Н.А. Баскаковым, в современном чалканском языке почти не встречается. Он оказался втянутым в систему падежных аффиксов. Этот послелог употребляется в качестве инструментального падежа =ла / =ле и передает значение орудийности» [18. С. 34-35]:

– *Ол акча вла күриске садып аларым* [1. С.126]. *'На те деньги куплю себе курицу.'* Ср.: *Ол акчала күриске садып аларым – Перевод такой же.* [1. С. 35].

В **тувинском** *биле* используется в значениях 'с' 'вместе' 'посредством' 'при помощи' 'по согласию' 'вследствие' 'для чтобы'. [12. С. 438]:

– *олар арыгда орук-биле келгеннер. (они пришли по лесной дороге) сеең дилээң-биле (по твоей просьбе), акшаны почта-биле. (послать деньги по почте), телефон-биле медеээле. (сообщить по телефону)* [12. С. 438].

Послелог *кожа*

В тюркских языках встречается немало слов, которые при помощи словообразующего окончания «-а» становятся деепричастиями, а впоследствии – послелогами (например: *кала* (после), *гече* (через), *оза* (до, перед), *кёрё* (по сравнению)). Считается, что послелог «*коза*» также образовался в результате трансформации глагола «*кош-*» (добавлять, делать) в деепричастие. При употреблении в пространственном значении он используется для описания близости двух недвижущихся объектов или означает временное пребывание движущегося объекта возле не движущегося. Послелог «*коза*» также используется для описания совместного выполнения действия, совершения действия при помощи какого-либо средства или осуществления двух ситуаций одновременно. Этот послелог встречается в тюркских языках Южной Сибири. В сибирских языках он часто употребляется вместе с послелогом, ставшим аффиксом, «-*биле*» (вместе): существительное+*биле коза*. Юн-Сун Ли утверждает, что этот послелог в хакасском и шорском языках ставится после слов в дательном падеже и выражает значение совместности [26. С. 316]. По сообщению информанта (АФК-2014), в чулымском языке послелог «*коза*» используется крайне редко, особенно в районе Пасечное, люди там предпочитают произносить слово «*щанда*». Таким образом, можно видеть, что употребление этого послелога сократилось, его место заняло служебное имя, используемое в функции послелога.

5) *араны турувлу чулбла кожа. 'сарай стоит рядом с рекой'*

aran-i POSS.3SG turuvlu čul-bla коза

сарай стоять-PRS река-СОМ рядом;

6) *араны турувлу чул щанда. 'сарай стоит около речки'*

aran-i tur-uvlučul šanda

сарай-POSS.3SG стоять-PRS река около;

7) *аргышым оч кизибле кожа турублу чогыл. 'друг не стоит вместе с врагом' (Друг не дружит с врагом)*

argiŕim oŕ kizible koza turublu ŕogil
 друг- месь человек= рядом стоить-нет;

8) *пар олур аныңбла кожа. 'иди и сядь с ним (рядом с ним)'*
par olur anin-bla koza
 идти сидеть он-GEN-COM рядом;

9) *пар олур аның шанда. 'иди и сядь с ним рядом'*
par olur an-in ŕanda
 идти сядь он-GEN рядом

Согласно «Грамматике хакасского языка» (под ред. Н.А. Баскакова [5]), эквивалентом послелого «*коза*» является слово «*hoza*». В главе, написанной Г.И. Донидзе, приведено следующее наблюдение: «Послелог «Хоза» восходит к деепричастию на -а/-е от глагола «хос» — «прибавлять», «смешивать», «присоединять», управляет дательным падежом и указывает на то, что в предложении кроме объекта, обозначенного именем в указанном падеже, есть ещё объект или объекты, на которые также распространяется действие, выраженное сказуемым. Соответствует послелог «хоза» русским «к», «вместе с», «наряду с», «кроме» [6. С. 26; 5. С. 260]. В **шорском** языке оно употребляется с дательным падежом. По сравнению с «*pirge*» «*bile*» имеет более редкое употребление. Кроме того, есть фонетические варианты *koŕta*, *koŕtap*, обозначающие «рядом, вплоть».

– *абаңның малына кожа олген алыптың малын качыр пар – теген. 'Вместе со скотом отца твоего скот умершего богатыря угоняй! – говорил.'* [11. С. 65];

– *тис аба-ичебе қожға чышқа пардыбыс. 'мы вместе с родителями в лес ходили'* [5. С. 25].

В **тувинском** языке по значению ему соответствует послелог *биле* [20. С. 170]. По мнению Е.В. Николиной и А.А. Озоновой, в алтайском языке значение взаимности, как и в других тюркских языках, в большей степени закреплено за синтетической формой орудного падежа, а значение совместности – за аналитической формой, сочетанием орудного падежа с послелогом *кожо* (вместе). Орудным падежом в чалканском диалекта управляет послелог *кожо* 'вместе с кем-л., чем-л.', который при сочетании с именами в орудном падеже выражает значения соучастника [16, с. 23]:

– *Шура комсомол кыстарыла кожо јаланнын чечектерин эжелди 'Шура вместе со своими комсомолками принесла полевые цветы'* [17. С. 63];

– *Карабаш нокорлориле кожо тренировкадан јук ле орой тунде јанып турган. 'Карабаш вместе с друзьями с тренировки возвращался поздно ночью'* [17. С. 63];

– *Таадам анчы кижиге бычакла кожо бойынын мылтыгын берди 'Дед дал охотнику вместе с ножом и свою винтовку'* [17. С. 63].

Мы показали, что комитативность послелогов идентична в северно- и южно-сибирских языках. Несмотря на то, что функции послелогов одинаковы во всех языках, варианты якутских послелогов имеют отличительные признаки. В якутском языке можно выделить ряд видов отношений, выражаемых послелогоми, среди которых есть и комитативные отношения, которые, в основном, обозначают совместность, соучастие, сопровождение и передаются как 'с', 'наряду', 'вместе', 'вместе с', 'наряду с этим':

– *миигин кытта – miigin kytta (со мной), оҕону кытта – oghonu kytta (с ребенком или вместе с ребенком), оҕону кытары – oghonu kyтары (с ребенком или вместе с ребенком), итини сэргэ – itini serge (наряду с этим), үөрэҕи сэргэ – uereghi serge (наряду с учебой), ону тэҕинэн – onu tegninen (наряду с тем), ону тэҕэ – onu tegne (наряду с тем).*

Кытта/kytta – отглагольный послелог со значением 'с', 'вместе', 'вместе с', 'как только', 'включая и', 'тоже': *кинини кытта – kinini kytta (с ним, с ним вместе), бараатын кытта – baraатын kytta (как только ушел (он/она)), кини кытта барар – kini kytta barar (он тоже идет), кинини кытта барабын – kinini kyтта varabун (с ним/с ней вместе иду).*

Кытта/kytta восходит к деепричастной форме от глагольной основы кытын – кутуп (участвовать) с аффиксом -а: *кени күрээкэ кытта сьлдьар – kini kureske kyтта sylдар (досл. он в соревновании участвуя присутствует/участвует), кени күрээкэ кытта барбыт – (он в соревновании участвовать ушел/уехал).*

Кытары/kyтары синонимична к кытта, некоторые фонетические изменения произошли, возможно, в речи, в употреблении не различаемы: *кинини кытары барабын – kinini kyтары barabун (с ним/с ней вместе иду).*

Сэргэ/serge – наречный послелог со значением 'рядом с', 'наряду с', 'одновременно с', 'включая', 'помимо того': кинини сэргэ мин эмиэ баарбын – *kinini serge min emie baarbyn* (досл. его включая я тоже есть), үлэни сэргэ барытын сатыбын – *üleni serge barytyn satybyn* (досл. работу включая/наряду с работой все умею), мань сэргэ өссө тугу этэбин? – *manu serge esse tugu etebin?* (досл. с этим вместе/наряду с этим еще что сказать?). Сэргэ/serge представлено как наречие вторичное, однако отделить его корневую основу сложно, даже можно отнести к наразложимым основам, близко к тюркскому *charge, jerge* в значении круг: кинини кытта сэргэ хаамабыт – *kinini kytta serge khaatabyt* (досл. с ним вместе рядом/в ряд ходим), уол-кыыс сэргэ иһэллэр – *uol-kyys serge iheller* (мальчик-девочка рядом идут), кинини кытта сэргэ олоробут – *kinini kytta serge olorobyt* (с ним рядом (по соседству) сидим/живем).

Тэгинэн, тэнгэ/tenginen, tengе – отыменный послелог со значением 'наряду', 'наряду с', 'одновременно с', значением 'рядом с', 'наряду с', 'одновременно с': мань тэгинэн өссө бири этэбин – *manu tenginen esse biiri etebin* (досл. с этим наряду еще одно скажу), итинни тэгинэн үөрэнэр – *itini tenginen uerenер* (с тем наряду учится), үөрэжи тэгинэн үлэлиир – *uereghi tenginen uleliir* (с учебной наряду работает).

Тэнгэ/tenge идентичны.

Тэгинэн, тэнгэ/tenginen, tengе имеет основу тэн – равный и употребляемо как прилагательное: тэн үлэ – *teng ule* (равная работа), тэн сыһыан – *teng syhyuan* (равное отношение), тэн үллэри – *teng ullerii* (равное деление). Тэгинэн, тэнгэ в роли послелога представлен с аффиксами принадлежности и падежа: тэн+э+нэн, где тэн – основа – (э/и) аффикс принадлежности 3-го лица – (нэн) аффикс орудного падежа. Тэнгэ>тэн (основа) + э (аффикс принадлежности 3-го лица).

3. Заключение

В ходе исследования комитативных отношений послелогов в чулымском языке, мы пришли к следующим выводам:

– послелог *биле* является общетюркским и встречается во всех тюркских языках южной Сибири. Здесь следует учитывать тот факт, что данный послелог в процессе грамматикализации в таких языках, как алтайский, чалканский, шорский, тутальский говор чулымского, перешел в падежный аффикс. По сути, как показывают многие источники, это грамматикализация принята в категорию послелог-аффикс [8]. В шорском, в отличие от чулымского, форма *на/ныла* встречается еще в значении «по, как». Эту функцию мы не выявили в чулымском языке.

– послелог *коза* в некоторых источниках выступает и как наречие, и как послелог-наречие. В этой работе мы предпочли воспринимать его как послелог, учитывая его употребления в чулымском языке. Стоит отметить, что в тюркских языках Южной Сибири, на примере послелога *коза*, мы обнаружили тенденцию к образованию орудного падежа на основе послелога (*биле*). Послелог *биле* и *коза* часто следуют друг за другом, и эта ситуация осложняет попытку определить классификацию послелога *коза*. Послелог *коза* управляет орудным падежом на основе послелога *биле* в чулымском языке. В результате встречается такая форма: существительное+биле коза. Когда *коза* управляет орудным падежом в чулымском, *хоза*, хакасский эквивалент этого послелога, управляет дательным падежом. В чулымском языке, прежде всего в пространственном значении, употребление послелога *коза* используется для описания близости двух не движущихся объектов или временное пребывание движущегося объекта возле не движущегося. Послелог *коза* также применяется для описания совместного выполнения действия и соучастия.

Послелог в тюркских языках, имея свои особенные лексико-семантические, морфологические и синтаксические признаки, обособился от других частей речи. Что касается лексико-грамматического значения послелогов, у большинства оно абстрактное, другие могут иногда обладать относительно конкретным значением. В целом послелог тяготеет к более отвлеченным значениям, таким, как пространственное, временное, причинное и др.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СОМ – комитатив; – GEN генитив; INS – инструменталис; INF – инфинитив; PL – форма множественного числа; PRS – настоящее время; PST – прошедшее время; POSS – поссессив.

АФК: Информант мелетского говора среднечулымского языка (Александр Федорович Кондияков, 1952 г. р., Красноярский край, Тюхтетский р-н, д. Пасечное)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баскаков Н.А. Диалект Лебединских татар-чалканцев (куу-кижи). Грамматический очерк, тексты, переводы, словарь. М.: Наука, 1985. 233 с.
2. Башбуг Ф. Энклитика «La» в чулымском языке // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2017. № 2 (58). С. 81-91.
3. Бирюкович Р.М. Морфология чулымско-тюркского языка : в 2-х частях. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1981. Ч. II. 184 с.
4. Грамматика современного якутского литературного языка. Т. 1. Морфология. М.: Наука, 1982. 496 с.
5. Грамматика хакасского языка / Редкол.: М.И. Боргояков, А.И. Грекул, Г.И. Донидзе, Д.Ф. Патачакова / Под ред. Н.А. Баскакова. М.: Наука, 1975. 420 с.
6. Донидзе Г.И. Послелогои в хакасском языке // Записки Хакасского НИИ языка, литературы и истории. Вып. 4. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1956. С. 3-32.
7. Дульзон А.П. Диалекты и говоры тюрков Чулыма // Советская тюркология. 1973. № 2. С. 16-29.
8. Дульзон А.П. Материалы по диалектологии тюркских наречий Западной Сибири // Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ. Вып. XVIII. Абакан, 1973. С. 187-207.
9. Дульзон А.П. Материалы по диалектологии тюркских наречий Западной Сибири // Вопросы хакасской филологии. Абакан, 1977. С. 150-178.
10. Дульзон А.П. Чулымско-тюркский язык // Языки народов СССР. Т. 2. Тюркские языки. М., 1966. С. 446-466.
11. Дыренкова Н.П. Грамматика шорского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.
12. Исаков Ф.Г. Пальмбаха А.А. Грамматика тувинского языка: Фонетика и морфология. М: Изд-во восточной литературы, 1961. 472 с.
13. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 569 с.
14. Курпешко-Таннагашева Н. Н., Апонькин Ф. Я. Шорско-русский и русско-шорский словарь. Кемерово, 1993. 149 с.
15. Межекова Н.Н. Шорский диалект // Хакас тшшщ диалектерь. Абакан, 1973. С. 49-57.
16. Николина Е.В., Озонава А.А. Падежная система чалканского диалекта // Языки коренных народов Сибири. Вып. 17. Новосибирск, 2005. С. 4-25.
17. Орсулова Т.Е. Послелогои и служебные имена в алтайском языке: дис. ... канд. филол. наук. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2001. 132 с.
18. Тазранова А.Р. Послелогои в чалканском языке // Языки коренных народов Сибири. Чалканский сборник. Вып. 17. Новосибирск: изд-во НГУ, 2005. С. 26-44.
19. Харитонов Л.Н. Современный якутский язык. Фонетика и морфология. Якутск, 1947. 306 с.
20. Хертек А.Б. Послелогои, управляющие локальными падежами, в тюркских языках Сибири // Языки коренных народов Сибири. Вып. 18. Новосибирск, 2006. С. 167-194.
21. Чиспияков Э.Ф. Учебник шорского языка. Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1992. С. 7. 318 с.
22. Alkaya E. Karay Türkçesinde Edatlar. Karadeniz Araştırmaları. Sayı 8 (Kış 2015). S. 66-98.
23. Banguoğlu T. Türkçenin Grameri. Ankara: Türk Dil Kurumu, 2011.
24. Brockelmann C. Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens, Leiden, 1954.
25. Nacieminoğlu N. Türk Dilinde Edatlar. İstanbul: Bilge Kültür Sanat, 2015. 336 s.
26. Li Yong-Song. Türk Dillerinde Sontakılar. İstanbul: Kebikeç, 2004. 913 s.
27. von Gabain A. Eski Türkçenin grameri / M. Akalın (çev). Ankara: Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu, Türk Dil Kurumu. 1988. 313 s.

Поступила в редакцию 19.11.2018

Башбуг Фырат, научный сотрудник
Институт САДА (Sada Sanat ve Dil Araştırmaları Enstitüsü)
06100 Турция, г. Анкара, ул. Кулели, д. 49
E-mail: firatbasbug@gmail.com

Чиркочева Дария Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой
якутского языка
Институт языков и культуры народов Северо-Востока РФ СВФУ им. М.К. Аммосова
677000, Россия, г. Якутск, ул. Белинского, 58
E-mail: dchirkoeva@mail.ru

F. Bashbug, I.D. Chirkoeva

POSTPOSITIONS "BILE" AND "KOZHA" EXPRESSING COMITATIVE RELATIONS IN THE CHULYM TURKIC LANGUAGE

In this article, the authors study the features of some postpositions of the Chulyum Turkic language and compare them to those of other Turkic languages of the region. It should be noted that postpositions in the Turkic languages are unchangeable grammatical words for expressing a number of relations, and exist in combinations of nominals and verbs as well as in various nominal combinations. Postpositions of Turkic languages also express various shades and nuances. Some postpositions in Turkic languages have grammaticalized or evolved over time. The authors emphasize that in the Southern and Northern Turkic languages of Siberia, especially in Chulyum, Shor, Altai, and Yakut, many functional features of postpositions are still poorly understood and therefore require more extensive study. In all these languages, postpositions expressing comitative relations are derived from verbal, nominal or adverbial roots. The examples are chosen from the Tatal and Melet dialects of the Chulyum-Turkic language, the Chalkan dialect of the Altai language, the Shor, Khakas, Tuva and Sakha languages. Much of the focus of the study of these comitative postpositions has been on comparative aspects.

Keywords: postposition, comitative relations, Chulyum Turkic language, languages of Siberian peoples, Turkic languages.

REFERENCES

1. Baskakov H.A. Dialekt Lebedinskih tatar-chalkancev (kuu-kizhi). Grammaticheskij ocherk, teksty, perevody, slovar' [Dialect of the Lebedin Tatars-Chalkans (Kuu-Kiji). Grammatical essay, texts, translations, dictionary]. Moskva: Nauka, 1985. 233 p. (In Russian).
2. Başbuğ F. Jenklitika «La» v chulymskom jazyke [Enclitic la in Chulyum Language] // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova [Bulletin of North-East Federal University named after M.K. Ammosov], 2 (58), 2017a, pp. 81-91. (In Russian).
3. Birjukovich R.M. Morfologija chulymsko-tjurkskogo jazyka : v 2-h chastjah. Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta [Morphology of the Chulyum-Turkic Language: in 2 parts. Saratov: Publishing house of Saratov University], 1981. Part II. 184 p. (In Russian).
4. Grammatika sovremennogo jakutskogo literaturnogo jazyka. T.1. Morfologija [Grammar of The Modern Yakut Literary Language. T.1. Morphology]. M.: Nauka, 1982. 496 p. (In Russian).
5. Grammatika hakasskogo jazyka / Redkollegija: M.I. Borgojakov, A.I. Grekul, G.I. Donidze, D. . Patachakova / Pod redakciej prof. N.A. Baskakova. [Grammar of the Khakass language / Editorial board: M.I. Borgoyakov, A.I. Grekul, G.I. Donidze, D.F. Patachakova / Ed. by Prof. N.A. Baskakov]. M.: Nauka, 1975. 420 p. (In Russian).
6. Donidze G.I. Poslelogi v hakasskom jazyke // Zapiski Hakasskogo NII jazyka, literatury i istorii. Vyp. 4 [Postpositions in the Khakass language // Zapiski Khakassky Research Institute of Language, Literature and History. Issue 4]. Abakan: Hakasskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1956. pp. 3-32. (In Russian).
7. Dul'zon A.P. Dialekty i govory tjurkov Chulyma // Sovetskaja tjurkologija. [Dialects and Dialects of the Chulyum Turks // Soviet Turkology]. 1973. № 2. pp. 16-29. (In Russian).
8. Dul'zon A.P. Materialy po dialektologii tjurkskih narechij Zapadnoj Sibiri // Uchenye zapiski Hakasskogo NIIJaLI. XVIII. [Materials on the dialectology of the Turkic adverbs of Western Siberia / Scientifics' Notes of NIIJaLI. Issue. XVIII]. Abakan, 1973. pp. 187-207. (In Russian).
9. Dul'zon A.P. Materialy po dialektologii tjurkskih narechij Zapadnoj Sibiri // Voprosy hakasskoj filologii [Materials on the Dialectology of the Turkic dialects of Western Siberia // Questions of Khakass philology]. Abakan, 1977. pp. 150-178. (In Russian).
10. Dul'zon A.P. Chulymsko-tjurkskij jazyk // Jazyki narodov SSSR. T. 2. Tjurkskie jazyki. [Chulyum-Turkic language // Languages of the peoples of the USSR. Volume 2. Turkic languages] M., 1966. pp. 446-466. (In Russian).
11. Dyrenkova N.P. Grammatika shorskogo jazyka [The grammar of the Shor language]. Moskva-Leningrad: AN SSSR, 1941. 308 p. (In Russian).
12. Ishakov F.G. Pal'mbah A.A. Grammatika tuvinskogo jazyka: Fonetika i morfologija [The grammar of the Tuva language: Phonetics and morphology]. Moskva: Izd-vo vostochnoj literatury [Moscow: Publishing House of Oriental Literature], 1961. 472 p. (In Russian).
13. Kononov A.N. Grammatika sovremennogo tureckogo literaturnogo jazyka [Grammar of modern Turkish literary language]. M.-L.: Izd-vo AN SSSR [Academy of Sciences USSR], 1956. 569 p. (In Russian).
14. Kurpeshko-Tannagasheva N.N., Apon'kin F.Ja. Shorsko-russkij i russko-shorskij slovar' [Shor-Russian and Russian-Shor Dictionary]. Kemerovo, 1993. 149 p. (In Russian).
15. Mezhekova N.N. Shorskij dialekt // Hakas tshshshh dialekter' [Shor dialect // The Dialects of Khakass language]. Abakan, 1973. pp. 49-57. (In Russian).
16. Nikolina E.V., Ozonova A.A. Padezhnaja sistema chalkanskogo dialekta [The Case System of the Chalkan Dialect] //

- Jazyki korennyh narodov Sibiri. Vyp. 17 [Indigenous Languages of Siberia. Issue 17]. Novosibirsk, 2005. pp. 4-25. (In Russian).
17. Orsulova T.E. Poslelogi i sluzhebnye imena v altajskom jazyke [Postpositions and official names in the Altai language]: dis. ... kand. filol. nauk. [Cand. filol. sciences]. Gorno-Altajsk: RIO GAGU, 2001. 132 p. (In Russian).
 18. Tazranova A. R. Poslelogi v chalkanskom jazyke // Jazyki korennyh narodov Sibiri. Chalkanskij sbornik. Vyp. 17 [Postpositions in the Chalkan language // Indigenous Languages of Siberia. Chalkan collection. Issue 17]. Novosibirsk: izd-vo NGU [Novosibirsk State University Publishing House], 2005. pp. 26–44. (In Russian).
 19. Haritonov L. N. Sovremennyj jakutskij jazyk. Fonetika i morfologija. Jakutsk [The Modern Yakut Language. Phonetics and Morphology]. –1947, 306 p. (In Russian).
 20. Hertek A. B. Poslelogi, upravljajushhie lokal'nymi padezhami, v tjurkskih jazykah Sibiri [Postpositions of local cases in the Turkic languages of Siberia]// Jazyki korennyh narodov Sibiri. Vyp. 18. [Indigenous Languages of Siberia, Issue 18] Novosibirsk, 2006. pp. 167–194. (In Russian).
 21. Chispikakov Je. F. Uchebnik shorskogo jazyka [Shor Language Textbook]. Kemerovo: Kemerovskoe kn. izd-vo [Kemerovo Kn. Publishing House], 1992. pp. 7. 318 p. (In Russian).
 22. Alkaya E. Karay Türkçesinde Edatlar. Karadeniz Araştırmaları. Sayı 8 (Kış 2015) s.66-98. (In Turkish).
 23. Banguoğlu T. Türkçenin Grameri. Ankara: Türk Dil Kurumu, 2011. (In Turkish).
 24. Brockelmann C. Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens, Leiden, 1954. (In Turkish).
 25. Hacıminoğlu N. Türk Dilinde Edatlar. İstanbul : Bilge Kültür Sanat, 2015. 336 s. (In Turkish).
 26. Li Yong-Song. Türk Dillerinde Sontakılar. İstanbul : Kebikeç, 2004. 913 s. (In Turkish).
 27. A. von Gabain A. Eski Türkçenin grameri / M. Akalın (çev). Ankara: Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu, Türk Dil Kurumu. 1988. 313 s. (In Turkish).

Received 19.11.2018

Basbug Firat, Researcher
Sada Institute
Kuleli st., 49, Ankara, Turkey, 06100
E-mail: firatbasbug@gmail.com

Chirkoeva D.I., Candidate of Philology, Associate Professor
M. K. Ammosov North-Eastern Federal University
Belinskogo st., 58, Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russia, 677000
E-mail: dchirkoeva@mail.ru